

Глава 30: Я действительно разозлюсь

—

На самом деле, Цзи Юйчжоу не удивился тому, что ребенок влюбился в него.

Он даже ясно понимал, что это результат его намеренного воздействия, когда он изначально хотел использовать его.

В конце концов, ребенок только что достиг совершеннолетия и не обладает должной способностью оценивать чувства. Ему легко спутать растроганность и благодарность с любовью. К тому же, он вырос в среде, лишенной любви, поэтому даже малейшая доброта к нему бесконечно увеличивалась в его глазах и крепко запечатлевалась в сердце.

Это действительно было его грязным поступком.

—

Через день Цзян Сюньюя перевели из реанимации в обычную палату. Его жизненные показатели постепенно стабилизировались, но он все еще находился в состоянии комы.

Цзи Юйчжоу не хотел беспокоить Ли Ханьцю, сказал ей только, что в легионе срочные дела, и он заберет их вещи позже.

Ли Ханьцю немного поворчала, почему даже в праздники нет покоя, но не стала спрашивать подробностей.

Поскольку к Ли Ханьцю временно нельзя было вернуться, у Цзи Юйчжоу пропало настроение для отпуска. Когда состояние Цзян Сюньюя стабилизировалось, он перевел его в аффилированную больницу легиона, а сам вернулся в легион разбирать накопившиеся документы.

Он каждый день навещал Цзян Сюньюя в больнице.

В силу молодости Цзян Сюньюй восстанавливался очень быстро. К тому же, благодаря крайне развитой современной медицине, его физические раны быстро зажили, на плече снова выросла нежная белая кожа, а внутренние органы были восстановлены.

Вот только... признаков пробуждения по-прежнему не было.

Цзи Юйчжоу, хотя и понимал, что это не зависит от посторонних, все же не удержался и накричал на врачей.

Это был пятый день комы Цзян Сюньюя. Цзи Юйчжоу, как обычно, пришел его навестить. Ребенок лежал на кровати, такой же спокойный, как и когда его привезли. Его длинные ресницы словно были приклеены, и Цзи Юйчжоу никак не мог его разбудить.

Вскоре пришли врач и медсестра для обхода, измерили температуру и записали данные ЭКГ, а Цзян Сюньюй все так же спокойно лежал на кровати, послушно подчиняясь. Цзи Юйчжоу не выдержал, опустил глаза, и в его голосе прозвучал холод: «Когда он сможет проснуться?»

В палате стало так тихо, что, казалось, было слышно дыхание каждого. Все тут же прекратили свои действия, робко стояли на месте, опустив головы, не смея сказать ни слова.

Цзи Юйчжоу потер виски, немного смягчив тон: «Мм? Почему молчите?»

Спустя некоторое время, лечащий врач, немного дрожа, поднял голову: «Простите, адмирал Цзи, мы перепробовали все возможные методы. Физические травмы пациента в основном зажили. Что касается психического состояния... мы бессильны».

Помолчав немного, Цзи Юйчжоу постепенно успокоился: «Понятно, можете идти».

Врач и медсестра осторожно переглянулись, с облегчением вздохнули и поспешно вышли друг за другом, оставив Цзи Юйчжоу одного в палате с Цзян Сюньюем.

Цзи Юйчжоу молча сел у кровати Цзян Сюньюя, нежно проводя пальцами по его щеке. Даже с питательной поддержкой, длительная кома все равно сделала лицо Цзян Сюньюя очень бледным, а его и без того худое тело превратилось в скелет.

Последние дни погода была очень хорошей, и палата Цзян Сюньюя находилась с солнечной стороны. Теплый желтый свет из окна падал на одеяло Цзян Сюньюя, добавляя немного красок к его бледности.

Цзи Юйчжоу легко поглаживал Цзян Сюньюя по щеке, и его прежнее беспокойство постепенно утихло. Он прищурился, выражение его лица стало намного мягче. Под солнечными лучами его лицо словно покрылось золотистым сиянием.

«Сюньюй», — голос Цзи Юйчжоу был низким и нежным, с ноткой беспомощности и едва уловимой надежды, — «Если ты продолжишь так долго валяться в кровати, я действительно разозлюсь».

—

На следующий день Цзи Юйчжоу обедал в столовой легиона, когда узнал, что Цзян Сюньюй проснулся. Только что принесенная еда источала пар. Цзи Юйчжоу отложил палочки и поспешно направился в больницу.

Едва переступив порог палаты, Цзи Юйчжоу увидел Цзян Сюньюя, полулежащего на кровати. Без одеяла было видно, насколько он пострадал. Он низко опустил голову, его тонкие ресницы подрагивали. Две тонкие белые руки были скрещены поверх одеяла, выделялись тонкие ключицы, шея выглядела особенно длинной.

«Сюньюй».

Цзи Юйчжоу тихо позвал его по имени.

Цзян Сюньюй резко поднял голову, его ресницы затрепетали, как крылья бабочки. Спустя много дней Цзи Юйчжоу наконец снова увидел его глаза, похожие на весенний ручей.

Проспав так долго, глаза Цзян Сюньюя по-прежнему были безупречно чистыми, прозрачными.

Цзян Сюньюй не знал, сколько он спал. Ему казалось, что он видел очень долгий и прекрасный сон, мягкий и уютный, с запахом его любимого господина Цзи. Если бы в полузабытьи он не услышал голос господина Цзи, сказавшего, что он рассердится, он бы действительно хотел остаться в этом сне навсегда.

Он моргнул, глядя на Цзи Юйчжоу: «Господин Цзи...»

Цзи Юйчжоу подошел к Цзян Сюньюю, скрывая все свои беспокойства и тревоги последних дней глубоко в сердце, и спокойно сказал: «Как ты себя чувствуешь? Нигде не болит?»

Цзян Сюньюю покачал головой. Когда Цзи Юйчжоу подошел ближе, он вдруг заметил, что Цзи Юйчжоу, кажется, немного похудел. Присмотревшись, он увидел тонкую щетину на подбородке.

Цзян Сюньюю вздрогнул и подсознательно спросил: «Я... я долго спал?»

Голос Цзян Сюньюю был немного хриплым, так как он долгое время молчал. Цзи Юйчжоу заботливо налил ему стакан воды и протянул, спокойно сказав: «Недолго».

Цзян Сюньюю тихонько потрогал рану на плече. Боль совершенно исчезла. Он попытался пошевелить рукой, и она свободно двигалась. Даже при всей развитости современной медицины, такое восстановление невозможно за день или два.

У Цзян Сюньюю защипало в носу, он опустил голову: «Простите, господин Цзи... Я заставил вас волноваться».

«Ничего страшного». Голос Цзи Юйчжоу был все таким же низким и ровным: «Эту боль ты принял за меня. Я всегда буду это помнить».

«Я...»

Цзян Сюньюю хотел сказать, что это была инстинктивная реакция, но боялся выдать свои мысли, чтобы господин Цзи не испытал отвращения. Он смущенно помолчал, и в конце концов просто опустил голову, больше ничего не говоря.

Цзи Юйчжоу некоторое время смотрел на завиток волос на голове Цзян Сюньюю, затем протянул руку, чтобы потрогать волосы ребенка, которые не стригли уже полмесяца и которые уже достигли кончиков ушей: «Ты все еще хочешь спать? Поспи еще немного».

Цзян Сюньюю покачал головой. Ему хотелось побыть с Цзи Юйчжоу подольше, даже просто сидеть вот так в тишине, это делало его невероятно спокойным. Но он все же так долго был в коме, тело его было слабо, и вскоре он не смог удержаться, тихонько прикрыл глаза и уснул.

Глядя на спящее лицо ребенка на кровати, камень, который все это время лежал на сердце Цзи Юйчжоу, наконец упал.

—